

Современное общество как общество сетевых структур

Статья рекомендована И. Ю. Алексеевой 15.09.2014 г.

ЛЫСАК Ирина Витальевна
Доктор философских наук, профессор Южного федерального университета

КОСЕНЧУК Людмила Федоровна
Заведующая лабораторией кафедры философии Инженерно-технологической академии Южного федерального университета

Аннотация

В статье проанализированы базовые подходы к современному обществу как обществу сетевых структур. Сетевая структура рассматривается как децентрализованный комплекс взаимосвязанных узлов, способный расширяться путем включения новых звеньев, что придает сети гибкость и динамичность. В обществе таким «узлом» является социальный субъект, способный обрабатывать, накапливать и продуцировать новую информацию. Распространение сетевых структур и сетевой логики позволяет говорить о складывающейся в настоящее время сетевой культуре, которой присущи асинхронность, нелинейность, семантический и аксиологический плюрализм, доминирование публичности.

Ключевые слова:

сетевые структуры, социальная сеть, ризома, сетевое общество, сетевая культура.

Развитие информационно-коммуникационных технологий, выстроенных по сетевому принципу, привело к повсеместному распространению в современном обществе сетевых структур. Некогда упорядоченное и иерархичное социальное пространство превратилось на наших глазах в мир «тысячи плато» и ускользающей паутины возможностей, в котором нет проложенных дорог и точек опоры, так необходимых человеку. В научный оборот вошли понятия «сетевые структуры», «социальная сеть» и даже «сетевая культура», однако их содержание зачастую размыто, что затрудняет осмысление происходящих социальных трансформаций. В связи с этим перед исследователями стоит задача концептуализации указанных терминов, попытка решения которой предпринята в данной статье.

Необходимо подчеркнуть, что в самом общем виде понятия «сеть», «сетевые структуры» используются в современном научном знании для обозначения взаимодействующей совокупности объектов, связанных друг с другом линиями связи. С середины XX в. в социально-гуманитарном знании начинает применяться понятие «социальная сеть». Впервые оно встречается в статье 1954 г. британского антрополога и социолога Дж. Барнза, который использовал его для обозначения дружеских, родственных и классовых связей, сложившихся в норвежском островном приходе. В его работе сеть определялась как любая «совокупность людей или их групп, между которыми существуют те или иные контакты и взаимодействия» [1]. Спустя три года этот термин применила Э. Ботт, изучавшая семьи английских рабочих, которые, по ее мнению, жили не в группах, а в «сетях».

т. е. в структурах, где семья могла быть связана с одними семьями и организациями и никак не связана с другими [2]. В конце 1950-х – 1960-е годы социальные сети начинает анализировать группа антропологов из Манчестерского университета (М. и Дж. Клайд Митчелл) [3, с. 302], а также этнограф С. Ф. Надель [4].

Начиная с 1980-х годов в социально-гуманитарной литературе получает распространение более узкая трактовка сетевых структур, в рамках которой сетью считается не всякая совокупность взаимодействующих людей, а лишь характеризующаяся рядом базовых принципов, к основным из которых относятся децентрализованность и связность [5, с. 113, 114]. Применительно к социальным сетям децентрализованность означает наличие в системе сразу многих центров активности – лидеров, а также приблизительное равенство статусов, социального веса, ранга составляющих систему индивидов и их групп. Под связностью большинство исследователей понимают взаимозависимость и тесную кооперацию составляющих элементов.

Одна из самых известных теорий сетевого общества была разработана в 1990-х годах американским социологом испанского происхождения М. Кастельсом и изложена им в книгах «Информационная эпоха: экономика, общество и культура» [6] и «Галактика Интернет» [7]. М. Кастельс использует понятие «сетевое общество», чтобы, с одной стороны, показать определяющую роль компьютерных сетей в развитии современного социума, с другой стороны, чтобы обосновать, что развитие современных информационно-коммуникационных технологий ведет к изменению общественных отношений. Он полагает, что в современном мире сетевые принципы общественного устройства постепенно вытесняют иерархические, причем если раньше сетевая организация была отображением внутренней структуры общества, то в новых условиях она становится сознательно внедряемой внешней структурой, ее формой.

По мнению М. Кастельса, сетевая структура – это «комплекс взаимосвязанных узлов», причем «конкретное содержание каждого узла зависит от характера той конкретной сетевой структуры, о которой идет речь» [8, с. 470]. Сами же сети «представляют собой открытые структуры, которые могут неограниченно расширяться путем включения новых узлов, если те способны к коммуникации...» [8, с. 471]. Отличительным признаком общества сетевых структур М. Кастельс считает также доминирование социальной морфологии над социальным действием, поскольку принадлежность к той или иной сети выступает в качестве важного источника власти и перемен в обществе. Общество сетевых структур характеризуется качественным изменением коммуникативной среды, где информация играет определяющую роль, ведь по своей природе она является ресурсом, который легче других проникает через любые преграды и границы. Новейшие технологии выступают связующим звеном в сетевом обществе, объединяя его и создавая единое интерактивное пространство.

В образной форме сетевые принципы были охарактеризованы французскими постструктуралистами Ж. Делезом и Ф. Гваттари, с легкой руки которых в гуманитарное знание вошло понятие «ризомы» и принципы ее устройства. Термин «ризомы» (от греч. *rhiza* – корень) был заимствован ими

из биологии, где он обозначал определенное строение корневой системы растения, характеризующейся отсутствием центрального стержневого корня и состоящей из множества хаотически переплетающихся, периодически отмирающих и регенерирующих, непредсказуемых в своем развитии побегов. Это биологическое понятие было использовано Ж. Делезом и Ф. Гваттари для характеристики современного общества, в котором нет стержня, «ствола», где отсутствует централизация, упорядоченность и симметрия. Противоположна ризоме как множеству беспорядочно переплетенных побегов, растущих во всех направлениях, структура «дерева», где есть центр – ствол и периферия – отходящие от ствола боковые ветви, где все упорядочено и иерархично выстроено. «Дерево» – это модель традиционного общества и традиционного мышления, «ризома» – модель общества постмодерна. Следует отметить также, что само слово «*rhizoma*» (корневище) созвучно французскому «*réseau*» (сеть), и это созвучие используется авторами для обоснования сетевого или «ризоморфного» подхода к тексту, а через него – к пониманию социального бытия.

Ж. Делез и Ф. Гваттари выделяют несколько принципов организации ризомы-корневища, соотносимых с принципами, присущими современному социуму. Первые два принципа, лежащие в основе устройства ризомы, – это «принципы соединения и неоднородности» [9, с. 12]. Любая точка ризомы может (и должна) быть присоединена к любой другой ее точке. Ризома не имеет исходного пункта развития, она децентрирована и антииерархична по своей природе, ни одна из ее точек не имеет преимущества перед другой. Третий принцип, который Ж. Делез и Ф. Гваттари кладут в устройство ризомы, – это «принцип множественности» [9, с. 14]. Его авторы характеризуют на примере кукловода, управляющего марионеткой. Они показывают, что движениями куклы на самом деле руководит вовсе не желание кукловода, а «множественность нервных волокон». Кукловод в конечном счете сам оказывается марионеткой этой множественности. «У множества нет ни субъекта, ни объекта, есть только определения, величины, измерения, способные расти лишь тогда, когда множество меняет свою природу. <...> Множество определяется внешним – абстрактной линией, линией ускользания или детерриторизации, следуя которой, они меняют природу, соединяясь с другими множествами» [9, с. 14, 15].

Четвертый принцип, присущий ризоме, – это принцип «а-означающего разрыва», согласно которому, ризома может быть разбита, разрушена в любом месте, но несмотря на это она возобновит свой рост, свое развитие либо в старом направлении, либо выберет новое. «Любая ризома включает в себя линии сегментарности, согласно которым она стратифицирована, территоризована, организована, означена, атрибутирована и т. д.; но также и линии детерриторизации, по которым она непрерывно ускользает» [9, с. 16].

Наконец, последними принципами, заложенными в основу построения ризомы, являются картография и декалькомания¹. В соответствии с ними Ж. Делез и Ф. Гваттари заявляют, что ризома – это не механизм копирования, а карта с множеством входов [9, с. 20]. Противопоставляя кальку и карту,

¹ Декалькомания (фр. *decalcomania*) – технология создания и использования переводных картинок.

французские постструктуралисты подчеркивают, что последняя по своей природе открыта, «способна к соединению во всех своих измерениях, демонстрируема, обратима, способна постоянно модифицироваться» [9, с. 22]. Калька же, напротив, не подвержена модификации, она не создает ничего нового, а лишь копирует имеющиеся линии и очертания. Рисунок на карте никогда не может считаться окончательным — он постоянно меняется, как меняется сама действительность. В то же время карты могут существовать независимо от того, существует ли что-либо вне карты, тогда как кальки существуют только как представления, слепки референта. То есть карта, в противоположность кальке, не репродуцирует реальность, а экспериментирует, вступает с ней «в схватку».

Фактически ризома и есть модель сети, где нет центра, где есть множество расходящихся в разных направлениях линий, обеспечивающих свободу перемещения. Ризома дает безграничную свободу творчества, полет мыслей, но она же — и модель сорняка, растущего везде, сорняка, с которым сложно бороться, и который забивает все щели, трещины, не давая прорасти «культурным», но менее приспособленным растениям.

Итак, современное социокультурное пространство оказывается выстроенным по сетевому принципу, а в обществе доминируют сетевые структуры, распространение которых обусловлено развитием информационно-коммуникационных технологий, однако не может быть сведено к ним.

Рассмотрим специфику сетевых структур. Под структурой как таковой понимается совокупность устойчивых связей между элементами системы, применительно к данной теме — социокультурной системы. Традиционно сетевые структуры противопоставляются иерархическим. Так, Л. А. Коробейникова и Ю. А. Гиль отмечают, что иерархической структуре присущи устойчивость, способность оказывать индуктивное воздействие на все системы, с которыми она взаимодействует, возможность легко восстанавливаться, четкие принципы коммуникации, дисциплины, субординации, нормирование обязательств. К ее недостаткам относят медленное, неадекватное реагирование на ситуацию, рост иерархических ступеней, затрудняющих движение информационных потоков и принятие решений. Сетевой структуре присущи горизонтальная организация, отсутствие единого центра, равноправие участников, относительная открытость входа-выхода, адаптивность к изменениям внутренней и внешней среды, способность к самоорганизации и саморегуляции [10, с. 107].

Свой вариант классификации структур предлагает Д. А. Новиков, считающий, что структура является характеристикой системы, системы же можно подразделить на статические и динамические [11, с. 5, 6]. В статическом состоянии можно выделить три типа структур: вырожденную, в которой отсутствуют какие-либо связи между участниками; линейную или древовидную, в которой подчиненность одних элементов системы другим имеет вид дерева, т. е. каждый элемент или участник подчинен одному участнику следующего, более высокого уровня; матричную, некоторые участники которой могут быть подчинены одновременно нескольким участникам, находящимся либо на одном и том же, либо на различных уровнях иерархии. Понятие «сетевые структуры» Д. А. Новиков предлагает использовать для описания

изменений системы. В сетевых структурах потенциально существуют связи между всеми участниками, некоторые из которых актуализируются, порождая линейные или матричные структуры, а затем, после решения стоящих перед системой задачи, разрушаются. В вырожденных структурах иерархичность отсутствует, линейные структуры полностью иерархичны, в матричных структурах имеет место как иерархия, так и распределенность. Особенностью сетевых структур является то, что каждый из ее участников потенциально может выступать как в роли центра, так и в роли управляемого объекта.

Итак, сетевая структура — это децентрализованный комплекс взаимосвязанных узлов, способный расширяться путем включения новых звеньев, что придает сети гибкость и динамичность. В обществе таким коммуникационным узлом является социальный субъект, способный обрабатывать, накапливать и продуцировать новую информацию, а также быть субъектом свободного волеизъявления и действия. Ключевыми характеристиками сетевых структур являются открытость и спонтанность [12]. Открытость может рассматриваться в двух значениях: с одной стороны, как открытость элементов сети по отношению друг к другу, отсутствие внутренних перегородок между ее частями, с другой — как открытость границ по отношению к внешней среде. Под спонтанностью понимается свободное формирование, текучесть, изменчивость. В сети не существует постоянных связей между элементами, они образуются только на время решения актуальных задач. Сетевые структуры полицентричны, что не препятствует их целостности. Целостность обеспечивается быстрым эффективным внутрисетевым каналом коммуникации, который позволяет синхронизировать процессы, происходящие в различных частях сети.

В последнее время в науку входит понятие «сетевая культура» (network culture), не имеющее общепринятой дефиниции. Украинский исследователь Е. А. Бердник предлагает понимать под сетевой культурой «информационно-коммуникативную систему, связывающую воедино все элементы сети посредством разделяемых всеми нематериальных (символических) форм культуры (ценностей, норм, правил, установок, идей, языка и др.) и обеспечивающую тем самым целостность и самовоспроизводимость сети» [13, с. 53].

Как правило, понятие «сетевая культура» используется в научной литературе в двух значениях: для характеристики коммуникативной среды интернета и для обозначения культуры, базирующейся на сетевой логике. Представляется, что понятие «сетевая культура» не тождественно интернет-культуре или кибер-культуре, т. е. формам культуры, возникшим в интернете. Оно применимо в целом к современному обществу, повседневная культура которого все в большей степени представлена в виде сетевых структур. Подобная трансформация обусловлена технологическими инновациями в сфере информационно-коммуникационных технологий, но вместе с тем выходит далеко за их рамки [14, с. 86].

Итальянский исследователь Т. Терранова трактует сетевую культуру как современную глобальную культуру, сформированную коммуникационными сетями и строящуюся на основе сетевых принципов [15]. Отличительной особенностью сетевой культуры является то, что сетевые принципы и сетевая логика, присущие компьютерным сетям и во многом ими порожденные,

начинают использоваться и в тех сферах, где не применяются компьютеры. Современный мир оказывается во многом выстроенным информационно-коммуникационными сетями. Сетевую культуру рассматривают как новый, формирующийся в условиях распространения глобальных сетей, культурный тип, приходящий на смену культуре постмодерна [16]. Для сетевой культуры характерны «сжатие» пространства (Д. Харвей) и «ускорение времени» (Э. Гидденс), нелинейность, семантический и аксиологический плюрализм. Своеобразным символом сетевой культуры становится гипертекст, который, как отмечает М. Кастельс, комбинирует, артикулирует и выражает смыслы в виде аудиовизуальной мозаики, способной к расширению или сжатию, обобщению или спецификации в зависимости от аудитории [7]. В такой культуре уменьшается значение индивидуальности, так важной для культуры модерна, и усиливается значение принадлежности к некоей общности, наличие связи с другими субъектами. Элементом, «атомом» сетевой культуры становится не индивид, а «сообщения», из которых складывается жизнь индивидов. Человек становится генератором сообщений. Чтобы быть включенным в жизнь сетевого общества, он должен находиться на пересечении потоков сообщений и выстраивать сложные коммуникативно-деятельностные конфигурации [17]. В сетевой культуре приватность утрачивает свою ценность, практически все аспекты жизни, даже самые интимные, становятся публичными и выставляются напоказ.

Итак, в современном обществе доминируют сетевые структуры, что обусловлено развитием информационно-коммуникационных технологий. Сетевые структуры полицентричны, причем потенциально центром их формирования может стать каждый индивид, целостность таких структур обеспечивается наличием эффективных каналов коммуникации. Распространение сетевых структур и сетевой логики позволяет говорить о складывающейся в настоящее время сетевой культуре, формируемой информационно-коммуникационными сетями и строящейся на основе сетевых принципов. Такой культуре присущи темпоральная изменчивость, асинхронность, нелинейность, семантический и аксиологический плюрализм, доминирование публичности.

ЛИТЕРАТУРА

1. BARNES J. **Class and Committees in a Norwegian Island Parish** // Human Relations. 1954. № 7. P. 39–58.
2. BOTT E. **Family and Social Network: Roles, Norms and External Relationships in Ordinary Urban Families**. L.: Tavistock Publications, 1957.
3. ТРУФАНОВА Е. О., ЯКОВЛЕВА А. Ф. **Социальная технология сетевого взаимодействия** // Общество. Техника. Наука: На пути к теории социальных технологий. М.: Альфа-М, 2012. С. 301–317.
4. NADEL S. F. **The Theory of Social Structure**. L.: Cohen and West, 1957.
5. ОЛЕСКИН А. В. **Сетевые структуры в биосистемах** // Журнал общей биологии. 2013. Т. 74. № 2. С. 112–138.
6. КАСТЕЛЬС М. **Информационная эпоха: экономика, общество и культура** / Пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000.
7. КАСТЕЛЬС М. **Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе** / Пер. с англ. А. Матвеева, под ред. В. Харитонова. Екатеринбург: У-Фактория, 2004.
8. КАСТЕЛЬС М. **Становление общества сетевых структур** // Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология / Под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. С. 494–505.
9. ДЕЛЕЗ Ж., ГВАТТАРИ Ф. **Тысяча плато: Капитализм и шизофрения** / Пер. с франц. и послесл. Я. И. Свирского; науч. ред. В. Ю. Кузнецов. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010.
10. КОРОБЕЙНИКОВА Л. А., ГИЛЬ А. Ю. **Сетевые структуры в условиях глобализации** // Известия Томского политехнического университета. 2010. Т. 316. № 6. С. 105–109.
11. НОВИКОВ Д. А. **Сетевые структуры и организационные системы**. М.: ИПУ РАН, 2003.

12. ЧУЧКЕВИЧ М. М. **Основы управления сетевыми организациями**. М.: Институт социологии РАН, 1999.
13. БЕРДНИК Е. А. **Сетевая культура как объект социологического анализа** // SOCIOПРОСТП: Междисциплинарный сборник научных работ по социологии и социальной работе. 2011. № 1. С. 51–55.
14. РОММ М. В., ЛУЧИХИНА Л. Ф. **Зарубежные традиции исследования социальных сетей** // Идеи и идеалы. 2011. № 2. С. 77–90.
15. TERRANOVA T. **Network Culture: Politics for the Information Age**. L.: Pluto Press, 2004.
16. VARNELIS K. **The meaning of network culture** // Eurozine: Europe's leading cultural magazines at your fingertips. 2010. URL: <http://www.eurozine.com/articles/2010-01-14-varnelis-en.html> (дата обращения: 11.07.2014).
17. НАЗАРЧУК А. В. **Сетевое общество и его философское осмысление** // Вопросы философии. 2008. № 7. С. 61–75.

Минкомсвязь России публикует рейтинг грамотности ведущих российских СМИ

Москва, 2 июня 2015 года. — Министерство связи и массовых коммуникаций Российской Федерации публикует рейтинг наиболее популярных средств массовой информации с точки зрения корректного использования русского языка. Исследование проведено по заказу Минкомсвязи России Государственным институтом русского языка им. А. С. Пушкина и компанией АBBYU, которая занимается интеллектуальной обработкой информации.

В ходе исследования проанализированы тексты СМИ, которые составляют около 85% федерального лингвистического поля, в общей сложности — около 350 тыс. предложений из печатных текстов и 120 часов теле- и радиопрограмм. Это первое исследование такого масштаба и глубины, касающееся грамотности отечественных СМИ.

Как свидетельствуют результаты, подавляющее большинство ведущих федеральных изданий демонстрируют неплохое знание русского языка. «Многие эксперты полагали, что результаты будут куда хуже, но это не повод для самоуспокоения. Сотрудники медиа должны знать родной язык не на «хорошо», а на «отлично»», — утверждает замглавы Минкомсвязи России Алексей Волин, который курировал работу по подготовке рейтинга. В исследовании выявлен ряд наиболее часто встречающихся типичных ошибок, на которые следует обратить внимание.

Источник: <http://minsvyaz.ru/ru/events/33369/>